

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

НА ВСЮ
ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ...

Рассказы и повести Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

На всю оставшуюся жизнь...

«ЭКСМО»

Метлицкая М.

На всю оставшуюся жизнь... / М. Метлицкая — «Эксмо»,
— (Рассказы и повести Марии Метлицкой)

«Квартира ровно напротив – дверь, что называется, в дверь. Она, дверь этой соседней квартиры, имеет вид... Доисторический она имеет вид. Это даже не совковый дерматин грязно-бурого цвета, нет. Просто родная деревяшка в царапинах и сколах цвета детской неожиданности, как говорят в народе. Да и замок... Чуть ли не навесной, из тех, что на шестисоточных сараях...»

Мария Метлицкая

На всю оставшуюся жизнь...

Квартира ровно напротив – дверь, что называется, в дверь. Она, дверь этой соседней квартиры, имеет вид... Доисторический она имеет вид. Это даже не совковый дерматин грязно-бурого цвета, нет. Просто родная деревяшка в царапинах и сколах цвета детской неожиданности, как говорят в народе. Да и замок... Чуть ли не навесной, из тех, что на шестисоточных сараях.

Но квартира – трехкомнатная, и я о такой мечтаю. Мы-то живем в однушке, и нас трое: муж, детеныш и я. Нам тесно, очень. Нет, и эта квартира – огромное счастье, потому что отдельная, без мамок и папок. Мы просто «крезы» по сравнению с нашими несчастными друзьями, проживающими с родителями. Но человеческая натура такова: хочу большего!

Я – не алчная пушкинская старуха, требующая золотую рыбку себе на посылки. И дворец мне не нужен. Мои мечты ограничиваются обычной малогабаритной трешкой с шестиметровой кухней и отдельной детской.

И еще я хочу второго ребенка. Точнее, этого мы хотим вместе с мужем. А в такой тесноте...

Бабушка твердит, что они рожали и в коммуналках. Свекровь вспоминает барак без воды и с печным отоплением. Кстати, в самом центре Москвы – там, где сейчас гостиница «Белград».

Я парирую:

– А хорошо ли вам там было? Комфортно, дорогие мои?

Тушуются. Причем – сразу. Вздыхают. Вспоминают, видимо, и свекровей своих незабвенных, и соседушек милых.

Теперь по делу. В той трешке, что строго напротив, проживает один человек – Василий Васильевич Бирюков. Мастер цеха на авиационном заводе. Убежденный холостяк.

Родители его давно упокоились на Хованском, унеся с собой в могилу неизбывную тоску и печаль – Вася, сынок, не пристроен. Так и проживет, неразумный, всю жизнь бобылем. А сколько сватали! Да и какие девушки перед Васильком млели и глаза опускали!

Вот уж не знаю. Посмотришь на этого Василька... Ну, может, в молодости... Хотя и в это верится с трудом. Нынешний Василь Василич – дядька сорока с лишним лет, угрюмый, неразговорчивый, в сандалиях фирмы «Скороход», коротких брючатах, клетчатой ковбойке и доисторических очках (ретро, конец пятидесятых).

После работы Вась Васич по прозвищу Бирюк торопился домой. В руке авоська – тоже анахронизм, – а в ней кефир в стекле, батон и кусок колбасы в серой бумаге.

Тетки на лавке кивали на Васиного «здрассте» и продолжали свои нескончаемые беседы. Бирюков интереса у них не вызывал. Вообще.

Говорили, что одна вдовушка из третьего подъезда к Васе как-то подъезжала. Крепкая такая, телом не бедная. Вася в ответ на ее призывы, очевидные всем, кроме него, бурчал что-то невразумительное – и пулей проносился прочь.

Еще одна соседушка пыталась пристроить Василька к своей племяннице, старой деве из Старого же Оскола. Вася грубо тетку послал.

Кумушки у подъезда вынесли свой беспощадный вердикт: Вася болен. Неизлечимо. По мужской части. Ну и заодно – головой, это и так понятно. И Васю-Бирюка оставили в покое. Он облегченно вздохнул. А зря! На пороге его судьбы уже маячила я, но пока он об этом не знал.

А я заискивающе с ним здоровалась, с улыбочкой такой иезуитской:

– Здрассте, Василь Василич! Как драгоценное? Не подводит? Не надо ли вам чего? Мы вот тут на рынок собрались. Можем и вам прихватить. Не затруднит. Для соседа, так сказать. Пирожка с капустой, тортика «Киевского».

Вась Васич шарахался от меня как от прокаженной. Только увидит – сразу в дверь, угрем. Смотрит с опаской: что этой дуре надо?

Правильно, что с опаской. Этой дуре таки надо!

Я строила планы. Ох, как мы, женщины, любим строить планы! Просто замки на песке возводила сказочные. Кухня – мебель деревянная, светлая, теплая. Занавески в красную клетку. Такая же скатерть.

Спальня в зеленых тонах – говорят, успокаивает. Гостиная – тона... Ну пусть будет персик. И детская! Обои с гномами в разноцветных колпачках, стеллажи для книг и игрушек. А на потолке – звезды. Или солнце – еще подумаю.

И я начала капать мужу на голову – в смысле, сходи к Бирюку и поговори. Предложи обмен с доплатой.

– А зачем ему это надо? – удивился муж.

– Что значит зачем? Деньги стали никому не нужны? Отменили их, деньги, что ли? Вот что ему точно не нужно, так это трехкомнатная квартира!

– С чего ты взяла? – опять удивился муж.

– А на фиг? – вопросом на вопрос ответила я.

Идти на переговоры муж отказывался. Аргумент: «Ты же знаешь, я не люблю просить в долг, быть обязанным и вообще – что-нибудь просить!»

Он не любит! А я – обожаю! Особенно деньги в долг. Просто этим мужикам... Все делать, чтобы ничего не делать. Все ясно. Но и меня за просто так не остановишь. И я продолжала ежевечерние выступления. По-хорошему не получалось, что ж, ты мне не оставил выбора, как говорится.

Пошли попреки и укоры. Сравнения. Критика. Слезы. Стенания, мол, семья для тебя – поесть да поспать. Перекантоваться, одним словом. А я тут... Бьюсь как рыба об лед. И кухня эта мне тесна в бедрах. А второй ребенок? Маленькая такая... Доченька! Косички, бантики, заколочки с вишенкой. Платица с оборочками...

– Достала! – зашипел муж и рванул к соседу.

Я прильнула к двери. Слышно ничего не было. Вообще. Вот что такое стальная звуконепроницаемая дверь. Не обманули. А минут через десять я получила стальной и непроницаемой по лбу. Муж вернулся мрачнее тучи. Я поняла – сделка сорвалась.

– Чего? – спросила я.

– Того, – по-хамски ответил муж, что, кстати, ему несвойственно.

– В смысле? – я решила уточнить.

Правильно говорит моя мама: не умею я вовремя остановиться. Не умею.

– В смысле, что ты – того. – Муж опять хамил: покрутил пальцем у виска и пошел спать.

Рухнули мои мечты. Рухнули. Обрушились в одно мгновение, как ветхий дом при землетрясении в восемь баллов. Или – как обвал в горах. Камни и пыль.

Утром я решила обидеться. Надула губы и молча подала завтрак.

Муж мой ссориться не любит и к тому же отходчив. С набитым ртом, прихлебывая кофе, он поделился впечатлениями.

Вась Васич, по его словам, шуганый какой-то, недоверчивый к людям. Сказал – не обсуждается, у него другие планы. Ремонт вот в мае намечает. А дальше – вообще, перемена участи, что называется.

И попросил его больше не беспокоить. Никогда и ни по какому поводу.

– О как! Сильно. А какая там перемена участи? Жениться, что ли, собрался, пень тухлый? – поинтересовалась я.

– А вот это его личное дело, – осадил меня муж. – Знаешь ли, милая, нельзя так бесцеремонно лезть в чужую жизнь! Ты ведь вроде хорошо воспитана. Неприлично! И вообще,

знаешь, какая у него квартира? Дерьмо. Стены масляной краской покрашены. Синего цвета. Лампочка Ильича в коридоре. Вместо коврика у двери – газеты разложены. И пахнет как-то... Кошатиной, что ли. И еще – рыбой вареной. Неблагородных сортов.

Утешил.

Ладно, черт с вами. Переживу. И будет еще у меня квартира, будет! И шторы в клеточку, и звезды на потолке! И зеленая спальня. И у тебя, сыночек мой бедненький, маленький, будет своя комната! С книжками и игрушками, с гномиками в ярких колпачках. Мамочка твоя постарается! Если уж папаша не смог!

В чужую жизнь лезть, видите ли, неприлично! А чтобы твоя родная семья страдала – это прилично?

Ладно, заносит меня иногда, признаю. Успокоюсь вот сейчас и опять буду девочкой из приличной семьи. Возьму себя, так сказать, в руки.

А уж этот Бирюков... Получит он от меня пирожка и тортика! И молочка при простуде! И чесночка при гриппе. Ненавижу.

Теперь, завидя Бирюкова у двери, я отворачивалась. Или цедила «здрасте» сквозь зубы.

Вскоре Бирюк зашевелился. Активизировался. Начал подтаскивать ведра и банки с краской, побелкой и лаками. Кисти, валики, обои. Всем стало ясно – Вась Васич готовится к ремонту. Опаньки! Неужто и вправду старый хрен задумал жениться?

«Старому хрену» было тогда слегка за сорок. Но и мне исполнилось всего-то двадцать пять. Есть оправдание.

Маляров и штукатуров Вась Васич не приглашал. «От жадности, – подумала я. – Жлоб, хмырь, упырь. Вот».

А жлоб, хмырь и упырь мотался челноком, как подорванный. Оживляж был такой, что все обалдели. И еще – улыбка на лице. Во весь щербатый бирюковский рот. И с кумушками у подъезда он раскланивался с усердием, чего раньше не было и в помине.

Все затаились, замерли. Что-то будет дальше...

Прошло три месяца. Бирюк закончил ремонт, и почти перестало вонять побелкой и краской. У входной двери он постелил затейливый коврик с зайцем из «Ну, погоди!».

Советовался с соседкой Ираидой по поводу покупки гардин и светильников. Ираида, работающая в торговле, была для него непререкаемым авторитетом.

От осознания своей значимости и от чувств-с соседка приволокла из отдела «Ткани» рулон гардин, похожий на гаубицу от пушки. Слесарь Витек поздно вечером, соблюдая законы конспирации, важно доставил чешский унитаз, вынесенный с соседней стройки.

И мы поняли: все готово. Вот только что за этим последует, не знал никто. Пока не знал.

Ранним июнем, в субботний теплый и солнечный день, во двор въехало такси, а следом за ним – маленький грузовичок с матерчатым тентом.

С заднего сиденья бойко, совсем как-то по-молодецки, выскочил Вась Васич, распахнул переднюю дверцу.

Из машины очень медленно, с явно видимыми усилиями, не без помощи радостного и дурашливо-счастливого отчего-то Бирюка, вышла, опираясь на палку, немолодая полная дама. Очень немолодая и очень – болезненно – полная, на очень тяжелых, распухших ногах. Несмотря на жару, на ней был надет светлый (габардиновый?), почти антикварный плащ, шляпка песочного цвета с откинутой вуалеткой, летние перчатки и высокие ботинки, не оставляющие сомнений в том, что обувь – лечебная и сшита на заказ.

Вась Васич бережно усадил даму на лавочку и бросился к грузовичку, из которого работы уже вытаскивали какой-то скарб.

Дама распахнула плащ, и взору открылась кружевная блузка с пышным жабо, прихваченным у шеи старинной брошкой. Потом незнакомка сняла перчатки и положила на колени пухлые, красивые, ухоженные руки в крупных перстнях. Женщина запрокинула голову к солнцу, и я смогла разглядеть ее лицо. Оно было прекрасно, несмотря на внушительный возраст дамы, морщины и по-стариковски выцветшие светло-голубые, блеклые, почти равнодушные глаза. Одухотворенностью своей, что ли? Отсутствием беспокойства и суеты?

А машину тем временем разгрузили. На асфальте стоял шкаф – деревянный, крепкий, из прошлой жизни. Комод – потемневший, но вовсе не ветхий, несколько изящных венских стульев, трюмо с резными лилиями, что говорит о стиле «модерн», плюшевое темно-зеленое кресло с вытертыми подлокотниками, горшки с фикусом и китайской розой и пара чемоданов – те, что называются фибровыми, коричневые, жесткие, с металлическими уголками.

Бирюков подбегал к даме и, видимо, интересовался ее самочувствием.

Потом грузчики бодренько затащили вещи, и Вась Васич спустился во двор, под локоток поднял свою гостью, и они медленно зашли в подъезд.

Из раскрытых окон гроздьями висели соседи. Во дворе воцарилось молчание. Можно сказать, гробовое.

Потом сплетницы пришли в себя, очухались и начали свое бла-бла.

Вывод был сделан – на невесту толстая старуха не тянет. Родственница? Да не было у Бирюковых такой приличной родни – все деревенские, лимитчики.

Тогда кто? Ответа не было. Даже предположений и тех не имелось.

Муженек мой пошутил: может, он геронтофил?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.